

Гэера, которого Хан Сиэнь приютил у себя, звали Янь Си. Он был круглым сиротой. Генерал-губернатор Чжоу Маань прислал юношу под тем предлогом, что тот прекрасно знает уклад жизни в Лючжоу и сможет поведать высокому гостю о местных традициях. Истинная же цель правителя провинции была очевидна: гэер должен был ублажать постель маркиза.

В своих расчетах Чжоу Маань зашел почти так же далеко, как в своих догадках Цзи Ло. Генерал-губернатор не верил, что на свете существуют люди без слабостей. В его глазах Хан Сиэнь разорял чужие дома напоказ императору — исключительно ради славы. А жажда славы неизбежно ведет к жажде наживы. Тот же, кто имеет и имя, и богатство, непременно пожелает вкусить земных наслаждений. По мнению Чжоу Мааня, человек с таким холодным лицом, лишенный искренней привязанности, неизбежно томится душевной пустотой. Поэтому он заранее подготовил двух искусно обученных девиц, но, заметив, на ком именно задержался взгляд маркиза во время приема, в итоге прислал Янь Си — гэера с безупречными манерами и непростой судьбой.

Стоило Хан Сиэню впустить мальчишку в свои покои, как ловушка должна была захлопнуться. Генерал-губернатор не сомневался, что теперь-то крепко держит столичного гостя за горло.

В глазах сторонних наблюдателей все складывалось ровно так, как рассчитывали заговорщики: маркиз действительно оставил Янь Си у себя. Теперь врагам оставалось лишь терпеливо ждать, пока юноша начнет исправно поставлять сведения, а сам Хан Сиэнь увязнет в ласках прекрасного гэера. Лишь тогда местная знать смогла бы вздохнуть с облегчением.

Цзи Ло и его окружение были несказанно поражены тем, что маркиз принял этот дар.

«Неужели даже столь непреклонные мужи не способны устоять перед искусным соблазном?» — с горькой усмешкой подумал принц.

Впрочем, личная жизнь Хан Сиэня их не касалась, и расспросами они докучать не стали, ограничившись лишь тайным надзором за новоприбывшим.

И только Бай Шу чувствовал смутное недоумение. Он никак не мог поверить, что маркиз способен увлечься плотскими утехами. В глазах инструктора маркиз Вечного Покоя не был человеком, падким на дешевую красоту, к тому же внешность Янь Си казалась ему слишком заурядной.

Лишь сам Янь Си знал горькую правду: с того момента, как его привели в усадьбу, он ни разу не видел хозяина. Он отличался редким хладнокровием и, оставаясь в одиночестве, целыми днями читал книги в своем дворике. Лишь изредка в глубине его темных глаз вспыхивала мрачная тень.

Прислужницей к нему приставили Би Хуа. Девушка сразу поняла, что у этого гэера за плечами

тяжелое прошлое — слишком уж тоскливым и отрешенным был его взгляд. Впрочем, она лишь выполняла приказы и не собиралась лезть к нему в душу.

Спустя семь дней Хан Сиэнь наконец вспомнил о своем госте и велел Би Хуа привести его.

Услышав приказ, Янь Си на миг замер, в его глазах промелькнула гамма сложных чувств. Он прикрыл веки, а когда разомкнул их снова, на лице его застыла маска безропотной покорности. Не торопясь, он облачился в белоснежное одеяние, которое придавало его лицу благородную, утонченную бледность.

Би Хуа, глядя на него, лишь тихо вздохнула.

Когда они вошли в покои, маркиз Вечного Покоя сидел за столом в саду и пил вино. При виде хозяина Янь Си и служанка опустились на колени. Хан Сиэнь не проронил ни слова, продолжая неторопливо наполнять свою чашу. Осушив половину кувшина, он опустил на стол пиалу из белого нефрита. Глухой стук дерева о камень прозвучал в тишине подобно судейскому молотку. Лишь тогда маркиз соизволил взглянуть на коленопреклоненного гэера и лениво обронил:

— Подними голову.

Янь Си медленно повиновался. Его лицо оставалось безмятежным, а в глазах застыла холодная глубина древнего колодца. В этой покорности судьбе и безразличии сквозь природную, берущую за душу прелесть сквозило нечто такое, что невольно пробуждало в жестоких сердцах желание растоптать и подчинить его себе.

Губы Хан Сиэня тронула едва заметная усмешка.

— Завтра отправишь весточку Чжоу Мааню. Напишешь, что проводишь время в моих покоях со всем возможным услаждением. А вот как заставить его поверить в это — твоя забота. Думаю, ты достаточно умен, чтобы не провалить столь простое поручение.

Янь Си слегка растерялся.

— Я не совсем понимаю волю Наследника.

— Не понимаешь, значит, и не нужно, — беззаботно отозвался Хан Сиэнь, но взгляд его мгновенно похолодел. — Только не вздумай разыгрывать передо мной невинность. Ты — шпион Чжоу Мааня, присланный следить за каждым моим шагом. Хотя для него самого ты — не более чем дешёвая безделушка, которую не жалко отдать в чужие руки. Я ведь прав?

Янь Си мгновенно побледнел. Он до крови закусил губу, в его глазах вспыхнула глубокая обида. Глубоко вздохнув, он глухо произнес:

— Императорский уполномоченный зрит в корень. В нашей деревне Фулу свирепствовала моровая язва. Все жители погибли, их тела сожгли дотла. То, что я уцелел в том аду — лишь проклятие моей живучести. Позже меня купили и обучили ублажать господ... Так что я и впрямь лишь грязная игрушка.

Би Хуа, стоявшая на коленях чуть поодаль, почувствовала, как сжалось её сердце. Голос юноши звучал ровно, но в нем крылась невыразимая скорбь человека, лишённого права на собственную судьбу.

Хан Сиэнь лишь приподнял бровь и тихо рассмеялся:

— Я-то считал тебя умным, а ты оказался глупцом. Я не люблю повторять дважды, но, так и быть, сделаю скидку на то, что ты плохо меня знаешь. Запомни раз и навсегда: я терпеть не могу тех, кто строит из себя невинных овечек и пытается играть со мной в прятки. То, что случилось в твоей деревне — дела минувших дней. Сейчас от тебя требуется лишь одно: безупречно исполнить то, что велел тебе Чжоу Маань. Сделай это, и я забуду твою несусветную глупость.

Янь Си долго всматривался в лицо маркиза. Наконец он опустил глаза и смиренно произнес:

— Моя жизнь никогда не принадлежала мне. Теперь я понял волю Наследника.

— Вот и славно, — удовлетворенно кивнул Хан Сиэнь. — Возвращайся к себе и хорошенько подумай над моими словами.

Когда гэер и служанка покинули двор, на стену усадьбы бесшумно скользнула тень. Бай Шу спрыгнул прямо во дворик и без лишних церемоний уселся напротив Хан Сиэня.

— Что с ним не так? — нахмурившись, спросил он.

Хан Сиэнь наполнил свою пиалу и уже поднес её к губам, когда Бай Шу быстрым жестом перехватил сосуд. Их пальцы соприкоснулись. С тех пор как Хан Сиэнь вырвался на свободу, он никого не подпускал к себе столь близко. Ладонь инструктора Бая оказалась теплой и живой — совсем не такой, как у тех, кого Сиэнь помнил по кошмарам прошлого. У мертвецов в его памяти руки всегда оставались ледяными и окоченевшими.

Взгляд Хан Сиэня скользнул вслед за уплывающим кубком. Маркиз медленно спрятал руки в широкие складки мягких рукавов и опустил ресницы.

Бай Шу и не подозревал, какая буря чувств вмиг поднялась в душе собеседника. Отодвинув чарку подальше, он укоризненно произнес:

— Здоровье у тебя и так слабое, нечего переводить вино.

— Он — ключевой свидетель, — бесстрастно отозвался Хан Сиэнь.

— И ты заставишь его свидетельствовать? — Бай Шу недоверчиво сощурился, отставляя вино.
— По-моему, этот мальчишка только что откровенно тебя соблазнял. Смотри не попадись на его уловки.

— Сейчас его показания мне без надобности, — ровно ответил Хан Сиэнь. — Я везу его в столицу, дабы предъявить императору. До тех пор его жизнь должна быть в безопасности. А чтобы он от безделья не начал плести интриги с Чжоу Маанем, придется занять его делом. В конце концов, на его глазах вырезали целую деревню... Считай, что я решил сотворить редкое для себя благодеяние.

Последние слова он произнес совсем тихо, словно обращаясь к самому себе. Даже Бай Шу с его превосходным слухом едва расслышал их. Инструктор лишь покачал головой, разглядывая собеседника.

Хан Сиэнь поднялся и небрежно отряхнул рукава.

— Завтра предстоит много дел. Иди отдыхать.

Бай Шу кивнул и растворился в ночной темноте, мгновенно перемахнув через ограду. Маркиз еще немного постоял под порывами прохладного ночного ветра, а затем медленно направился в свои покои.

На следующее утро Цзи Ло и Цзи Юэ закончили утренний туалет и направились на завтрак. Поскольку они находились в чужом доме, трапеза была накрыта в боковом павильоне. Проходя мимо парадного зала, Цзи Ло краем глаза заметил Хан Сиэня: тот сидел при полном облачении, собранный и сосредоточенный. А во дворе перед залом ровными рядами выстроилась добрая сотня императорских гвардейцев.

Сердце Цзи Ло пропустило удар. Они переглянулись с Цзи Юэ и, забыв о завтраке, направились напрямиком в залу.

— Что здесь происходит? — спросил Цзи Ло, переводя взгляд с гвардейцев на невозмутимого маркиза.

— Идем брать под стражу господина Хан Пиня, — с мягкой улыбкой сообщил Хан Сиэнь.

— Брать под стражу? — Цзи Ло нахмурился.

Решился ли Хан Сиэнь окончательно порвать со своим семейством? И если арестовать Хан Пиня без веских улик, то чем это будет отличаться от обычного произвола и разбоя, которыми маркиз промышлял ранее?

— Мы в Лючжоу, — серьезно произнес принц. — К тебе сейчас приковано все внимание. Стоит тебе сделать столь опрометчивый шаг, как Чжоу Маань тут же узнает об этом и успеет подготовиться.

— Разумеется, я это понимаю, — согласно кивнул Хан Сиэнь. — Но в этот раз у меня есть неопровержимые доказательства его вины.

— Ты пропадал целыми днями ради того, чтобы собрать улики? — спросил Цзи Ло.

Последние дни уездный князь Юй не сидел сложа руки. Опираясь на воспоминания из прошлой жизни, он тайно собирал доказательства вины тех, кто заслуживал неминуемой плахи, и одновременно закладывал прочный фундамент для собственного возвышения. Цзяннань оставался для него малознакомым краем, но принц твердо помнил: именно отсюда выйдет несколько блестящих чиновников, которых в будущем приблизит его венценосный отец. Цзи Ло твердо вознамерился сойтись с ними под вымышленным именем еще до того, как они взлетят по карьерной лестнице — преданные союзники на юге станут для него бесценной опорой.

На вопрос принца Хан Сиэнь лишь загадочно улыбнулся, не став ни подтверждать, ни опровергать его догадки.

Видя, что из этого упряма слова не вытянешь, Цзи Ло вздохнул и решительно произнес:

— Я иду с тобой.

— Раз уж у нас на руках твердые улики, я тоже не останусь в стороне, — поддержал его Цзи Юэ.

Заметив их рвение, Хан Сиэнь не стал возражать и снисходительно согласился.

Однако отряд двинулся вовсе не к роскошному поместью Хан Пиня. Когда они свернули в глухой, неприметный переулок, у Цзи Ло внутри зашевелилось нехорошее предчувствие.

Маркиз велел гвардейцам плотным кольцом обступить скромный дворик в самом тупике, и Гао Фэн решительно постучал в ворота.

Створка отворилась, на пороге показалась молодая, кроткого вида женщина. При виде вооруженных людей её лицо исказилось изумлением. Цзи Ло сжал зубы — его догадка становилась все очевиднее.

Женщина, впрочем, быстро справилась с испугом. Она гневно вскинула брови и резко спросила:

— Кто вы такие? Что за сброд окружил мой дом?

— Хан Пин здесь? — ровным голосом спросил Хан Сиэнь. — Вели ему выйти.

Женщина нахмурилась, в глазах ее мелькнула тревога.

— Какого еще Хан Пиня? Я знать не знаю никакого Хан Пиня! Вы ошиблись адресом.

С этими словами она попыталась захлопнуть ворота, но Гао Фэн успел подставить ногу, не дав им закрыться. Хан Сиэнь коротким жестом приказал:

— Обыскать всё.

Цзи Ло с каменным лицом наблюдал за действиями маркиза.

«И это он называет неопровержимыми уликами? Больше похоже на обыкновенный разбой под прикрытием закона».

<http://bllate.org/book/20088/2002011>